

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

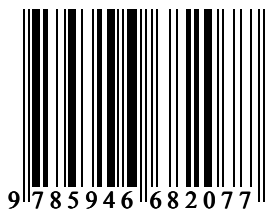
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

тербурге в 1817 г. — как раз тогда, когда уже «взрослый» Пушкин, выпущенный из Лицея, входит в столичные молодежные кружки. Фамилия Кашталинского звучанием своим, по нашему мнению, более напоминает фамилию Чекалинского, нежели Огонь-Догановский; при этом, как и фамилия Кашталинский, фамилия Чекалинский имеет «польское» звучание¹¹ (Матвей Кашталинский происходил из смоленской — польско-белорусской — шляхты).

Мы не можем утверждать наверняка, что сенатор М. Ф. Кашталинский был единственным и главным прообразом Чекалинского. Но, на наш взгляд, некоторые эпизоды биографии сенатора-игрока, легенды о нем и, наконец, само звучание его фамилии вполне могли всплыть в памяти Пушкина во время работы над «Пиковой дамой».

Александр Федута

---

¹¹ См. об этом, в частности: *Кончакова Е. В.* Гендерные и национальные аспекты «Пиковой дамы» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. «Филология. Журналистика». 2009. № 1. С. 66–68.

ИСТОЧНИК ПУШКИНСКОЙ «ПОВЕСТИ ИЗ РИМСКОЙ ЖИЗНИ»

В библиографическом описании личной библиотеки Пушкина Б. Л. Модзалевский под № 1481 указывает книгу «*Vie privée, politique et militaire des Romains, sous Auguste et sous Tibère, Dans une suite de Lettres d'un Patricien à son Ami; Traduites de l'Anglais*» (Paris, 1801),¹ которая никогда не привлекала внимания исследователей, хотя, согласно пояснениям Модзалевского, она полностью разрезана и содержит явно пушкинские закладки, причем на одной из них имеется запись, сделанная его рукой. Несмотря на то что полностью разрезанных книг в библиотеке Пушкина не так много, а его пометы встречаются в них еще реже, никто не пытался объяснить, в чем заключался интерес Пушкина к этому произведению. Ни оригинальное название переведенного текста, ни его автор, ни переводчик ни разу не были указаны.

Книга представляет собой французскую переделку английского исторического эпистолярного романа Эллис Корнелии Найт

---

¹ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 358.

(Knight; 1757–1837) «Марк Фламиний, или Обзорение военной, политической и общественной жизни римлян: В письмах патриция другу» («*Marcus Flaminius, or a View of the Military, Political, and Social Life of The Romans: In a Series of Letters from a Patrician to His Friend*», 1792). Французский перевод Анны Линдси (Lindsay; 1764–1820) вышел в Париже в 1801 г. На титуле значится, что это перевод с английского, однако не упомянуты ни имя переводчика, ни имя автора. Во французском издании два тома сжаты в один; в предисловии переводчика сказано: «*Je me suis cependant permis d'y retrancher des longueurs, et d'y faire quelques changements qui m'ont paru nécessaires, pour rendre les caractères plus conformes à la vérité historique* <Я, однако, позволила себе сократить некоторые длины, а также внести небольшие изменения, которые сочла необходимыми для того, чтобы персонажи точнее соответствовали исторической правде. — фр.>» (II).²

Сюжет романа — история прекрасного молодого римлянина, который остается благородным человеком во времена всеобщего морального упадка, наиболее ярко представленного образами императора Тиберия и его наперсника Луция Эллия Сеяна. Главный герой, Марк, и его дядя, изгнанник Валерий, олицетворяют истинный благотворный порядок, которому угрожают личные амбиции и искусная ложь римских правителей, а также утрата прав и привилегий, которые могли бы препятствовать злоупотреблениям власти.³ В первой части (томе первом английского издания) рассказано о пленении Марка в Германии и его отношениях с «благородными дикарями» из племени Херуски. Захвативший его в плен Кариовальдас, которого Марк характеризует как «почтенного» воина и правителя, относится к нему по-отечески; храбрый и благородный сын Кариовальдаса Сигизмар становится его побратимом. Основной источник описания обычаев и нравов германского племени — труд Тацита «Об обычаях германцев» («*De Moribus Germanorum*»). Вторая часть (том второй английского издания) повествует о триумфаль-

² Здесь и далее ссылки на французский перевод приводятся в тексте, с указанием в скобках страниц, по изданию, имевшемуся в библиотеке Пушкина (оно доступно на Google Books).

³ Сопоставление сюжетных подробностей романа с событиями Французской революции и ее последствиями см.: Price F. 1) *Making History: Social Unrest, Work and the Post-French Revolution Historical Novel* // *Historical Writing in Britain: Visions of History 1688–1830* / Eds. B. Dew and F. Price. Hampshire, 2014. P. 145–161; 2) *The Uses of History: The Historical Novel in the Post-French Revolution Debate and Ellis Cornelia Knight's «Marcus Flaminius» (1792)* // *Reading Historical Fiction: The Revenant and Remembered Past* / Eds. K. Mitchell and N. Parsons. Hampshire, 2013. P. 187–203.

ном возвращении Марка в Рим, который, по его словам, сильно изменился к худшему («...l'aspect de Rome a bien changé depuis l'avènement de Tibère à l'Empire <...облик Рима сильно изменился, с тех пор как Тиберий пришел к власти в Империи. — фр.>» — 211), о его успешных поисках Валерия и романе с дочерью последнего. Стремясь «вдохнуть жизнь в историю» («bring history to life»), как пишет Найт в своем предисловии, она смешивает вымысел со сведениями, почерпнутыми в трудах античных историков, прежде всего Тацита, на которого постоянно ссылается в примечаниях.⁴ Вот как она сама описывает свой роман:

The reigns of Augustus and Tiberius are generally allowed to include the most interesting period for the politician, the moralist, the man of learning, and the artist. The following letters may give some idea of the state of Rome, and its inhabitants, during the last years of the former emperor, and the first years of his successor: the empire was then at the summit of power; though, undoubtedly, superior virtue was to be found in the pristine ages of the republic, and greater magnificence under the succeeding emperors.⁵

<Правление Августа, а затем Тиберия представляет собой наиболее интересный период для политика, моралиста, ученого и художника. Помещенные здесь письма дают некоторое представление о состоянии Рима и его обитателей в последние годы правления первого из этих императоров и в начальные годы второго: империя была тогда в самом расцвете сил, хотя, несомненно, уступала в добродетелях неиспорченным нравам республиканского времени, а в роскоши — правлению последующих императоров. — англ.>

Элис Корнелия Найт, английская художница и писательница, чьи литературные сочинения пользовались некоторым успехом, получила классическое образование. Дочь британского адмирала и придворная дама королевы Шарлотты (позже — фрейлина прин-

---

⁴ В предисловии автора и рецензиях современников содержатся полезные сведения о замысле и характере романа. См., например: *The Monthly Review, or Literary Journal, Enlarged*. 1792. Vol. 9 (Sep.—Dec.). P. 164—169; *The Analytical Review or History of Literature Domestic and Foreign*. 1793. Vol. 15 (Jan.—May). P. 381—387. В обеих напечатанных здесь рецензиях обильно цитируется роман и в качестве особо интересной детали отмечается вымышленная встреча повествователя с историком Титом Ливием.

⁵ *Knight E. C. Marcus Flaminius, or a View of the Military, Political, and Social Life of The Romans: In a Series of Letters from a Patrician to His Friend*. Vol. 1—2. London, 1808. Vol. 1. P. VII—VIII.

цессы Шарлотты Августы), с 1805 по 1814 г. она встречалась со многими знаменитостями, в том числе с Франсуа Рене де Шатобрианом; в его романе «Мученики» («*Les Martyrs*», 1809) обнаруживается влияние «Марка Фламиния». ⁶ В предисловии Найт сообщает, что ее эпистолярный роман создан под впечатлением путешествия в Италию. Позднее она жила там в качестве наставницы юного Массимо Тапарелли, упомянувшего ее в своих мемуарах. Другие работы Найт: «Динарбас» («*Dinarbas*», 1790) — продолжение романа Сэмюэла Джонсона «История Расселаса, принца Абиссинского» («*Rasselas, the prince of Abyssinia*», 1759), «Описание Лациума, или Римская Кампания» («*A Description of Latium, or La Campagna di Roma*», 1805) с ее собственными гравюрами; «Переводы с немецкого в прозе и стихах» («*Translations from the German in Prose and Verse*», 1812) и роман «Сэр Ги де Лузиньян» («*Sir Guy de Lusignan, a Romance*», 1833). Ее автобиография осталась незавершенной, после ее смерти она была отредактирована, дополнена материалами из ее дневника и издана в 1861 г.

Анна Линдси, урожденная О'Дуайер, была возлюбленной Бенжамена Констана, автора «Адольфа», чьи произведения также имелись в библиотеке Пушкина. В ее известном лондонском салоне собирались аристократы, бежавшие от Террора. Считается, что она явилась прототипом Элленоры в «Адольфе». ⁷

* * *

Если обратить внимание на закладки, оставленные Пушкиным, особенно ту, что положена между страницами 250 и 251, обнаружится любопытная связь с незавершенной «<Повестью из римской жизни>» («Цезарь путешествовал...», 1833–1835).

В письме 54, которое начинается на странице 250 французского издания (письмо 55 в английском оригинале) содержится описание заброшенной виллы. Ряд деталей указывает на то, что именно оно послужило источником для пушкинского описания виллы в «<Повести из римской жизни>». Обе виллы находятся в Кам-

---

⁶ См.: *Andlauer B. Chateaubriand et «Les Martyrs»: Naissance d'une époque.* Paris, 1952. P. 29–38. Андло показывает, что Шатобриан был знаком и с английским оригиналом, и с французским переводом романа Линдси; он входил в кружок Огюста Ламуаньона, который до Бенжамена Констана был возлюбленным Линдси.

⁷ См. главу «Перебои сердца (1800–1806)» («*The Intermittences of the Heart (1800–1806)*») в кн.: *Wood D. Benjamin Constant: A Biography.* London; New York, 1993. P. 174–195.

панье,⁸ сходным образом расположены комнаты и предметы интерьера, близки позиции рассказчиков — все это подтверждает связь между двумя текстами.

У Пушкина Петроний прибывает в Кумы и отправляет раба на поиски дома, где он и его спутники могли бы остановиться. Затем идет следующее описание виллы:

Слуга возвратился — и повел нас в дом, уже им выбранный. — Он находился в предместии города. — Им управлял старый отпущенник в отсутствии хозяина, уже давно покинувшего Италию. Несколько рабов под его надзором заботились о чистоте комнат и садов. В широких сенях нашли мы кумиры девяти Муз, у дверей стояли два кентавра.

П. <етроний> остановился у мраморного порога и прочел начертанное на нем приветствие: *Здравствуй!* Печальная улыбка изобразилась на лице его. — Старый управитель повел его в Вивлиофику, где осмотрели мы несколько свитков и вошли потом в спальню хозяина. Она убрана была просто. — В ней находились только 2 семейные статуи. — Одна изображала матрону, сидящую в креслах, другая девочку, играющую [мячом]. На столике подле постели стояла маленькая лампада. — Здесь Петроний остался (на) отдых и нас отпустил, пригласив вечером к нему собраться.

(VIII, 387—388)

Во французском издании романа Найт этому описанию соответствует рассказ о заброшенной вилле дяди Марка, Флавия Валерия, расположенной в Байи, другом городе Кампаньи, откуда видны Кумы, как выясняется далее из текста (256). Этому рассказу предшествует письмо, где обрисована обстановка, в которой живут обитатели Кампаньи, и их склонности, причем особо подчеркнута любовь местных к удовольствиям: они «рождены для покорности и развлечений» («né pour la servitude et la dissipation» — 249). Марк

---

⁸ Кампанья — район на юго-западе Италии, в него входят Кумы (Сумае, бывшая греческая колония), Неаполь, Помпеи, Сорренто и другие города в бухте Неаполитанского залива. Нерон часто бывал в Кампанье; согласно Тациту, именно здесь им были убиты Петроний в 66 г. н. э. и Агриппина в 59 г. н. э. «Анналы» Тацита — основной исторический источник Пушкина при описании самоубийства Петрония (16.18—19); второй параграф начинается следующими словами: «Император находился в Кампанье. Петроний также прибыл в Кумы, где и был арестован». Кампанья вошла в литературу в эпоху Нерона: Сенекой была написана серия писем из Кампаньи; поэма «О гражданской войне» и утраченные «Письма из Кампаньи» Лукана включают обширные описания местности; здесь происходят многие из сохранившихся эпизодов «Сатирикона».

посещает виллу в поисках Валерия, который, как он полагает, был вынужден бежать из-за разногласий с императором Тиберием или, точнее, — его наперсником Сеяном. Несколько лет Марк не получал о Валерии никаких известий. В романе старик описан как добродетельный и преданный сенатор, верный Риму и его древним традициям, в отличие от расчетливого и лицемерного тирана Тиберия и его советника Сеяна.

Как и в пушкинской повести, за виллой присматривает «старый и верный вольноотпущенник» («un vieil et fidèle affranchi» — 251), ему помогают несколько рабов, которые под его началом содержат в порядке сады («Quelques esclaves sous ses ordres entretiennent les jardins» — 251). Так же как Петроний и его спутники, Марк сначала входит в вестибюль, где замечает статуи муз: «Там были статуи муз, наших лучших поэтов и ораторов» («Les statues des muses, celles de nos meilleurs poètes et orateurs, y sont placées» — 252–253). Затем повествователь перемещается в библиотеку («Библиотека показалась мне особенно заслуживающей внимания <La bibliothèque me parut particulièrement digne d'attention>» — 253) и в прилегающую к ней спальню хозяина («Соседняя комната принадлежит Валерию <L'appartement voisin est celui de Valérius>» — 253). В том же порядке осматривают виллу пушкинские герои. О хозяйской спальне у Пушкина сказано: «Она убрана была просто» (VIII, 388). Здесь можно предположить знакомство с английским оригиналом, хотя доказательств этому и не имеется. В оригинале простота спальни Валерия подчеркнута ее сравнением с комнатами для гостей: «Я не могу вдаваться в детальное описание комнат, предназначенных для его друзей, но они гораздо богаче, чем его собственная спальня или апартаменты Валерии. Ты же знаешь, что его сердце щедро и благорасположено ко всем» («I cannot enter into detail of the apartments destined for his friends; they are far more splendid than his own, or those of Valeria. You know his heart was liberal and beneficent to all»⁹). В сжатой французской версии этот пассаж отсутствует. Вероятнее всего, Пушкин просто соединил описание спальни хозяина с описанием апартаментов его дочери Валерии, которые и во французской версии названы «простыми и элегантными» («simples et élégants» — 254).

В комнате хозяина Марк обнаруживает две статуи: одна изображает дочь Валерия в детстве, другая — его самого в образе юноши с буллой, то есть украшением, которое носили на шее римские

---

⁹ Knight E. C. Marcus Flaminius... Vol. 2. P. 12.

Рис. 1

Рис. 2

дети.¹⁰ В хозяйской спальне у Пушкина также находятся две семейные статуи: римской матроны, сидящей в кресле, и играющей девочки.¹¹ Первая из них напоминает портрет матери Марка, на который герой смотрит в апартаментах Валерии «с нежнейшим чувством» («avec la plus tendre emotion» — 254). И в романе, и в пушкинской повести в хозяйской спальне стоит маленький столик. Герой романа видит «на маленьком столике возле кровати “Мысли” Сократа и “Георгики” Вергилия» («J’aperçu sur une petite table auprès du lit les

¹⁰ В обоих изданиях имеются сноски, объясняющие значение слова «булла» с цитатой из Эйнсворта (Ainsworth), автора англо-латинского словаря.

¹¹ Упомянув статую девочки, играющей мячом, Пушкин вычеркнул слово «мячом». По всей видимости, он сначала спутал слово *bulla* (булла) с французским *balle* (мяч) или английским *ball* (мяч), а потом понял свою ошибку и зачеркнул слово. Не исключено, что Пушкин имел в виду конкретную римскую статую — известное изваяние юной девушки, играющей в бабки (*astragaloi*), которое было найдено в 1732 г. на Целии, а ныне хранится в Пергамском музее в Берлине (см. Рис. 1). Хотя до сих пор не найдены доказательства знакомства Пушкина с этой скульптурой или ее копиями, он мог видеть гравюру с ее изображением в книге: *Musée de peinture et de sculpture, ou Recueil des principaux tableaux, statues et bas-reliefs des collections publiques et particulières de l’Europe / Dessiné et gravé à l’eau forte par [E. A.] Réveil; avec des notices descriptives, critiques et historiques, par Jean Duchesne aîné. Paris, 1830. Vol. 8. № 552 — гравюра «Девочка, играющая в косточки» («Joueuse d’osselets»; см. Рис. 2). Ни одного из трех изданий компендиума Дюшена нет в библиотеке Пушкина, но, несомненно, они имелись в России. В частности, одно из них сохранилось в библиотеке П. В. Анненкова (ныне в Пушкинском Доме).*

Pensées de Socrate et les Géorgiques de Virgile» — 253), а Пушкин оставляет на столике лишь «маленькую лампаду».

И в повести, и в романе рассказчик, страдая, выходит в сад. Пушкинский рассказчик не может уснуть («Я не мог уснуть; печаль наполняла мою [душу]» — VIII, 388) и отправляется на прогулку: «Я сошел в сад и долго ходил по излучистым его тропинкам, осененным старыми деревьями. — Я сел на скамейку, под тень широкого тополя, — у которого стояла статуя молодого Сатира, прорезывающего тростник» (Там же). В романе Марк, «проведя ночь без сна...» («avoir passé une nuit sans repos...» — 252) и обойдя комнаты виллы, отправляется в сад в надежде избавиться от беспокоящих его мыслей. Здесь он также прогуливается по извилистым тропинкам со скамьями среди статуй под старыми деревьями. Сад Валерия описан подробно — эпизод занимает более четырех страниц, однако легко представить, что пушкинский рассказчик мог бы находиться в том же воображаемом пространстве. Приведем наиболее близкие фрагменты:

...mes forces succomboient sous l'excès de ma sensibilité, et je cours respirer au milieu des jardins. La maison est placée en face d'un petit bois de platanes et de chênes toujours verts <sic!>, à travers lequel coule une petite rivière. D'un côté est la plaine, et de l'autre une haute montagne. Au milieu du bois s'élève la statue d'Alcide, dans une attitude pensive; il semble méditer sur son choix important. Des promenades tortueuses sont bordées de fleurs variées à l'infini, qui répandent leurs doux parfums, et donnent à ce lieu un aspect enchanteur. Un sentier orné de sièges <sic!>, le long duquel des festons de vignes serpentent d'arbre en arbre, des berceaux de verdure, où sont placées diverses statues de Faunes et de Dryades, conduisent à un beau théâtre d'ordre corinthien...

<...>

J'entrai ensuite dans un bocage de cyprus élevés, qui, à leur air vénérable, paroissent depuis long-temps abriter ces montagnes (254, 258).¹²

<...избыток чувств поглощал мои силы, и я побежал в сад, чтобы вдохнуть воздуха. Дом расположен в небольшой роще платанов и вечнозеленых дубов, между которыми течет небольшая речка. На одном ее берегу равнина, на другом — высокая гора.

¹² Курсив мой. — С. Р. Отмечая множество параллелей между романом Найт и «Мучениками» Шатобриана, Англо обращает особое внимание на описание Неаполитанского залива, заимствованное из этого эпизода в саду (см.: *Andlau B. Chateaubriand et «Les Martyrs»: Naissance d'une épopée.* P. 37).

В роще возвышается статуя Алкида в задумчивой позе; он, кажется, размышляет о своем непростом выборе. *Извилистые дороги обсажены бесконечным множеством самых разнообразных цветов, распространяющих нежный аромат и создающих чарующую атмосферу. Украшенная скамейками тропа, вдоль которой, змеясь, перекидываются с дерева на дерево виноградные гирлянды и стоят зеленые беседки со статуями фавнов и дриад, ведет к прекрасному театру с коринфскими колоннами...*

<...>

Затем я вошел в рощу высоких благородных кипарисов, которые, кажется, в течение многих лет укрывают эти горы. — фр.>

Можно было бы думать, что «статуя молодого Сатира, прорезывающего тростник» появилась в тексте Пушкина вслед за упомянутыми в процитированном отрывке «статуями фавнов». ¹³ Но пушкинский сатир больше напоминает другую статую в другом саду, описанном в письме 69: это статуя юного сатира, который играет на двойной флейте, привлекающая внимание Марка как известная своими «высокими достоинствами» («grand mérite» — 324). Высказанная гипотеза подтверждается тем, что именно сюда, между страницами 324 и 325, вложена вторая закладка в пушкинском издании.

Печаль обоих рассказчиков, как и причины их скорби, сходны между собой. Пушкинский рассказчик скорбит о своем друге и наставнике Петронии, осужденном Нероном; Марк — об изгнанном дяде. Надо заметить, что экспансивность пушкинского рассказчика в выражении преданности и восхищения Петронием ближе к Марку английского оригинала, который, как правило, более многословен в своем восхищении друзьями. Внесенные в переводе Линдси изменения, о которых она говорит в предисловии (см. выше), сильно повлияли на эту сторону характера Марка: он гораздо менее сентиментален, нежели его английский прототип.

Связь замысла «Повести» с эпистолярным романом позволяет прояснить еще один факт, связанный с планом пушкинского произведения. Безымянный греческий философ, который исчезает или непосредственно перед тем, как становится известно, что Петроний в опасности, или сразу после этого (в плане: «[ст<арый>] Греч<еский> фил<ософ> исчез» — VIII, 936), вероятно, возник в творческом сознании Пушкина под влиянием выведенного в романе Найт образа грека Филоклеса. Лотман предположил, что упо-

---

¹³ Фавны и сатиры — схожие создания; и те и другие обычно изображаются как полулюди-полузвери.

минание исчезнувшего греческого философа, скорее всего, появилось в пушкинском плане как параллель с предательством и бегством Иуды.¹⁴ Филоклес в романе думает лишь о собственных интересах, он хитрый лицемер, использующий свое красноречие и знания в недобросовестных целях. Хотя поначалу он кажется другом Марка, он предает и его, и его благородного дядю, а затем присутствует при вынесении Тиберием смертного приговора, тем самым напоминая Иуду.

Стефани Ричардс

---

¹⁴ *Лотман Ю. М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 288.*

ЗЕМНЫЕ БОГИ

Мотивы «Антония и Клеопатры» в пушкинских фрагментах 1835 года

В изучении корпуса пушкинских текстов о Клеопатре поворотным событием явилась статья Б. В. Томашевского 1955 г.¹ Частные дополнения к этой статье содержатся в неоконченной монографии Томашевского «Пушкин» (в единственной написанной главе второй книги).²

В основе рассуждений Томашевского — пересмотр датировки и, в результате этого, переоценка следующего фрагмента как в плане его содержания, так и в плане принадлежности к определенному художественному замыслу:

И вот уже сокрылся день,
Восходит месяц златорогий.
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Фонтаны бьют, горят лампы,
Курится легкий фимиам.

---

¹ *Томашевский Б. В. Текст стихотворения Пушкина «Клеопатра» // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1955. № 200. Вып. 25. С. 216–227 (перепечатано: Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 248–267).*

² *См.: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). С. 5–105.*